

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 76–86.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 76–86.

Научная статья
УДК [811.512.111+811.161.1]:[398.61+373.23]
DOI: 10.37482/2687-1505-V477

Антропонимы в чувашских и русских загадках о частях тела: коды культуры

Ольга Альбертовна Димитриева¹✉

Татьяна Витальевна Денисова²

^{1,2} Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чебоксары, Россия

¹е-mail: olgaal_79@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

²е-mail: tatyana.docka@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0626-5371>

Аннотация. Загадка является своеобразной моделью мира и способом репрезентации ментальности народа. Определение роли антропонимов в структуре загадки связано с их влиянием на интерпретацию предметов окружающей действительности: если в пословице имя собственное – это социальный типаж, то в загадке при использовании онима, например соматизма, загадываемый объект, находящийся в зоне «чужого», переходит из зоны неосвоенного в «свое», близкое человеку, становится познаваемым. Цель настоящей работы – выявление особенностей функционирования антропонимов в загадках русского и чувашского языков. Предметом исследования выступают загадки, построенные по модели «антропоним = соматизм». В статье применяются такие методы, как метод сплошной выборки (для работы со сборниками загадок русского и чувашского языков), сопоставительный (для определения типологических сходств и различий в использовании имен в фольклоре рассматриваемых народов) и лингвокультурологический (для анализа полученных данных языка культуры). Новизна исследования заключается в изучении антропонимов как кодификаторов культурной информации в национальной загадке. Авторы отмечают, что части человеческого тела в загадках имеют амбивалентную сущность: интерпретируются как неживой и как одушевленный (человек или животное) предмет. Подчеркиваются восприятие человека как целого и осмысливание частей тела в терминах родства. Показано, что в большинстве чувашских загадок с антропонимом («Алихман», «Алистар», «Алтакким» и др.) образно трактуются руки («алай»), подключаются числовой код, маркирующий количественный аспект, и языковая игра, когда начальные буквы настоящих и выдуманных чувашских имен совпадают с отгадкой. Основная часть русскоязычных примеров связана с осмысливанием языка как органа. Авторы приходят к выводу, что в модели «антропоним = соматизм» человек рассматривается как единое целое с акцентом на функции части его тела и его социальной роли.

Ключевые слова: лингвокультура, национальная загадка, русская загадка, чувашская загадка, загадка о частях тела, культурный код, соматизм, антропоним

Для цитирования: Димитриева, О. А. Антропонимы в чувашских и русских загадках о частях тела: коды культуры / О. А. Димитриева, Т. В. Денисова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 76-86. – DOI 10.37482/2687-1505-V477.

Original article

Anthroponyms in Chuvash and Russian Riddles About Body Parts: Cultural Codes

Olga A. Dimitrieva^{1✉}

Tatyana V. Denisova²

^{1,2}Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

¹e-mail: olgaal_79@mail.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

²e-mail: tatyana.docka@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0626-5371>

Abstract. The riddle is a kind of a world model and a way of representing the mentality of a people. Identifying the role of anthroponyms in the structure of a riddle is important for the interpretation of objects of the surrounding reality. Thus, while in a proverb an anthroponym is a social type, in a riddle with a proper name denoting a somatism, the described object that is located in the zone of the “alien” moves into the area of the familiar and becomes knowable. This article aimed to study anthroponyms in Russian and Chuvash riddles. The focus was on riddles constructed according to the anthroponym = somatism model. The main methods included continuous sampling (from collections of Russian and Chuvash riddles) as well as comparative (to determine typological similarities and differences in the use of names in Russian and Chuvash folklore) and linguocultural (to analyse the data of the “language of culture” obtained) methods. The novelty of the research lies in studying anthroponyms as codifiers of cultural information in a national riddle. The authors note that parts of the human body in riddles are ambivalent: they can be presented as an inanimate or as an animate (human or animal) object. It is emphasized that a person is perceived as a single entity, and body parts are conceptualized through terms of kinship. Most Chuvash riddles with an anthroponym (“Alikhman”, “Alistar”, “Altakkim”, etc.) present a figurative interpretation of hands (*ala*), which includes a number to indicate the quantity and a language game (the initial letters of real and fictional Chuvash names coincide with the answer). The majority of Russian examples focus on the tongue as an organ. It is concluded that in the anthroponym = somatism model, a human is viewed as a single entity, emphasis being placed on the function of a body part and on the person’s social role.

Keywords: linguoculture, national riddle, Russian riddle, Chuvash riddle, riddle about body parts, cultural code, somatism, anthroponym

For citation: Dimitrieva O.A., Denisova T.V. Anthroponyms in Chuvash and Russian Riddles About Body Parts: Cultural Codes. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 76–86. DOI: 10.37482/2687-1505-V477

Антропонимы являются важной составляющей культуры национального народа, в них отражаются исторические события и связи, верования и обряды

довость, традиции и менталитет. В чувашском языкоизучении большинство работ, посвященных антропонимам, связаны с изучением их про-

исхождения и семантики внутренней формы. В целом такие исследования делятся на две группы: 1) лексикографирование нехристианских, или языческих, чувашских имен, преимущественно мужских, определение их перечня, в некоторых словарях – выявление происхождения (см. словари В.К. Магницкого¹, Н.И. Ашмарина², М.Р. Федотова³, А.М. Ивановой, Э.В. Фомина⁴); 2) характеристика непосредственно процесса имнаречения, установление параллелей с другими, «соседними» языками и выявление генетической стратификации (см. работы А.Л. Филиппова⁵, Э.В. Фомина, А.М. Ивановой [1, 2], Е.Г. Таратиной, А.И. Авдеевой [3] и др.).

Актуальность исследования функционирования антропонимов в загадках связана с необходимостью установления их роли в моделировании картины мира и менталитета чувашского народа, описания их как знаков «языка культуры» (по В.Н. Телия). По мнению Т.В. Цивьян, загадки подобны «толковому словарю», в котором текст – «словарная статья», ответ – «словарик», а их анализ позволяет установить «достаточно полную картину мира в его составных частях», «модель мира» [4, с. 65]. В энigmatических текстах отражается вещный мир, поэтому, как отмечает М.Л. Ковшова, «с помощью онима маркируется обобщенный денотат как представитель класса предметов» [5, с. 7]. Одновременно загадка, как и пословица, есть проявление частного наряду с общим [6, с. 76], что становится возможным и за счет введения антропонима.

Чувашские загадки традиционно рассматриваются главным образом в рамках фольклора, отмечается их основная тематика (пере-

чень указывается согласно их частотности): 1) хлебопашество, сельскохозяйственные культуры и домашние животные; 2) дом; 3) дикие животные, рыба, насекомые; 4) окружающая природа; 5) предметы домашнего обихода; 6) средства передвижения и сбруя; 7) рынок и торговля; 8) музыкальные инструменты и др. (см. [7, с. 143]). Литературовед В.Г. Родионов изучает загадки в рамках чувашского стихосложения и отмечает, что им присуща стихотворная форма, хотя изредка встречается и прозаическая: «...в древние эпохи и периоды была только одна форма загадок – стихотворная. На это указывает тесная зависимость структуры текста (наличие или отсутствие компонентов стихотворной речи) от его объема» [8, с. 33]. Довольно небольшое количество работ посвящено изучению «строительного материала» загадок. Так, Е.Е. Калинина исследует семантические особенности цветообозначений [9], О.С. Степанова – числовой компонент в сопоставлении с английским языком [10].

В данной статье мы продолжаем изучение функций антропонимов в загадках: ранее рассматривалась модель «антропоним + соматизм» в энigmatической части [11]. Настоящая работа посвящена анализу метафорического/метонимического осмысления частей тела человека в загадках (ответах на них) при участии антропонимов.

Исследование функционирования антропонимов в загадках имеет теоретическую значимость, т. к. вносит определенный вклад в лингвокультурологию и когнитивную лингвистику, ввиду того что фокусирует внимание на фрагменте национальной модели мира, при

¹Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1905. 101 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/735616> (дата обращения: 07.03.2025).

²Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Руссика, 1994–2000.

³Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 148 с.

⁴Иванова А.М., Фомин Э.В. Словарь чувашских антропонимов дохристианской эпохи. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. 408 с.

⁵Филиппов А.Л. Национально-культурный компонент имен лиц (имен собственных) // Сергеев В.И., Исаев Ю.Н., Филиппов А.Л. Лингвокультурология и национально-культурная семантика: учеб. пособие / отв. ред. Г.И. Федоров. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. С. 163–165.

этом выявляется специфика концептуализации и образной категоризации окружающего человека пространства посредством антропонимов. Практическая значимость данной работы заключается в том, что ее материалы могут быть использованы при разработке и чтении курсов, посвященных лексикологии, лингвофольклористике, сопоставительному языкоznанию, также полученные сведения имеют выход в лексикографию – составление лингвокультурологических словарей.

Теоретические обзоры о современных направлениях и аспектах исследования загадок (так называемой энigmatике) представлены в работах Т.Г. Бочиной [12], М.Л. Ковшовой [13], О.С. Орловой [14], Н.И. Файзуллиной [15] и др.

Т.М. Николаева пишет о трехмерности славянской загадки, сочетаемости трех элементов, таких как феномен природы, одушевленное существо, артефакт или продукт цивилизации, при этом если природное явление попадает в энigmatический текст, то ответом на загадку может выступить либо одушевленное существо, либо предмет; если одушевленное существо, то энigmatом становится или феномен природы, или артефакт и т. д. [16, с. 397]. В загадке создается мир, как отмечает М.О. Абдрашитова, «отличающийся возможностью соединения несоединимого»: «...загадка учит ориентироваться в пространстве противоречивых сущностей, видеть за нетипичностью представления характерные стороны реалий» [17, с. 9].

Загадки как знаки, по справедливому замечанию М.Л. Ковшовой, «в процессе восприятия “считываются” одновременно двумя разными кодами – кодом языка и кодом культуры» [13, с. 5]. Изучение кодов культуры становится по-

пулярным направлением как в культурологии, философии, литературоведении, так и в современном языкоznании, в частности лингвокультурологии. Исследователи подчеркивают существование нескольких терминов: «код культуры», «код лингвокультуры», «культурный код», «лингвокультурный код»⁶ (см. также [18]). Рассматриваемый нами аспект загадок изучается в рамках антропонимического кода культуры, в котором имя собственное (оним) осмысливается сквозь национально-культурную призму, т. е. освещается его культурная референция, детерминированность культурой (см. подробнее в [13]).

В русских загадках, посвященных теме «Человек», содержатся разные способы образной презентации человека и частей его тела, таких как волосы, глаза, нос (*ноздри, выделения из носа*), брови, ресницы, ухо, рот, уста, скулы, зубы, язык, руки, ноги, голова, брюхо, кишки, пупок, сердце, грудь матери⁷. Источниками метафорической номинации становятся единицы природно-ландшафтного кода – лес, березняк, болото (например, при описании языка: *Лежит колода среди болота, не гниет и не сохнет*⁸); зооморфного – например, о зубах: беленъкие курочки, поросыта, овцы, белые голубки и др. (*Беленъкие поросыта из-под печки смотрят*⁹); антропного – в частности, в загадках о пальцах используются термины родства: братья, мать, сыновья и т. д. (*Живут пять братьев, у всех одинаковое имя*¹⁰); природно-метеорологического – так, глаза уподобляются небесным светилам в загадке о носе (*Между двух светил я один*)¹¹; артефактного (предметы быта – *вожжи: Коротеньки вожжи, а далеко хватают* (глаза)¹² и т. д.

⁶Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 180 с.

⁷Рыбникова М.А. Загадки. М; Л.: Academia, 1932. С. 285–294; Загадки / сост. В.В. Митрофанова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 52–60.

⁸Рыбникова М.А. Загадки. С. 293.

⁹Там же. С. 288.

¹⁰Там же. С. 289.

¹¹Там же. С. 289.

¹²Там же. С. 287.

В чувашском языке кодируются такие части тела, как *алă* / рука, *вар-хырăм* / желудок, *ёнсе* / затылок, *кăвата* / пупок, *куç* / глаз, *май* / шея, *миме* / мозг, *пуç* / голова, *пурне* / палец, *пыришă* / кишка, *сăмса* / нос, *çамка* / лоб, *çăвар* / рот, *çивëт* / коса, *çృç* / волосы, *тута* / губы, *ура* / нога, *ура кëли* / пятка, *хăлха* / ухо, *хырăм* / живот, *чёлхе* / язык, *чёре* / сердце, *чёчë* / сосок, *шăл* / зуб, *янах* / подбородок, в образном описании которых участвуют единицы природно-ландшафтного кода – *вăрман* / лес, *вëтлëх* / мелколесье, *пахча* / огород в загадках о рте: *Ват асаттен вăрманенче питë тарăн нүхрен пур* (2, с. 10)¹³ / досл. «В лесу прадедушки со стороны отца очень глубокий погреб»; *Вëтлëх варринче тëнсëр шăтăк пур* (2, с. 10) / досл. «В середине мелколесья бездонная яма»; зооморфного – *шап-шурă чăх* / белые-белые курицы, *сурăх* / овцы, *шăмăлаша* / костлявая лошадь, *хёrlë автан* / красный петух – о зубах и языке: *Хун-хун, хун вите, хун витере шăмă лаша* (2, с. 123) / досл. «Закрытый-презакрытый хлев, в закрытом хлеву костлявая лошадь»; *Кар-та тулли шурă чăх, вăта çëрте хёrlë автан* (2, с. 122) / досл. «Загон полон белыми курицами, а в середине красный петух»; природно-метеорологического – *çил* / ветер, *çăltăp* / звезда – о глазах: *Xan-xan, мăши-мăши, икë çутă çăltăp, икë хура хăнтăр* (2, с. 11) / досл. «Две яркие звезды, два черных бобра»; антропного – термины родства *амăши* / мать, *ача* / ребенок в загадках о пальцах: *Амăшë пëр, ачи пиллëк, тăват аман çирëм ача* (1, с. 32) / досл. «Мать одна, детей пятеро, у четырех женщин двадцать детей»; артефактного – *сеник* / вилы, *юпа* / столб – о руках: *Пëр юпа çумёнче икë сеник* (1, с. 32) / досл. «Около одного столба двое вил» и др. При сравнении двух языков мы видим как схожие способы концептуализации частей тела человека, так и различные. Важным также яв-

ляется то, что кодируемый денотат (часть тела) осмысливается двояко: в некоторых загадках одушевляется, в других, напротив, опредмечивается.

Выше уже отмечалось, что типовая ситуация, отражаемая в паремийном фонде, представляется и генерализованными единицами, и индивидуальными, «наглядно-примерными». К последним относится включение в структуру загадки собственных имен. Методом сплошной выборки из сборника чувашских загадок «Тупмалли юмахсем = Загадки» всего было отобрано 362 загадки, основным компонентом которых служит антропоним, из них в 94 – в сочетании с соматизмом в тексте загадки (энигматоре), в 31 – часть тела является ответом на загадку (энигматом). Источником русских загадок послужил «Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» М.Л. Ковшовой¹⁴, из которого извлечены около 40 загадок, содержащих антропоним в текстовой части, а отгадкой является соматизм. Также привлекались ранее указанные сборники русских загадок В.В. Митрофановой, М.А. Рыбниковой. Кроме того, для сравнения и интерпретации полученных данных использовались сведения из чувашских и русских толковых, этимологических и фразеологических словарей.

В загадке части тела являются неотъемлемыми элементами целого, метонимически замещают самого человека, поэтому осмысливаются в терминах родства.

Рассмотрим модель РУКИ = ДВА ИВАНА, ЕВДОКИМА и т. п. В чувашских загадках руки уподобляются двум людям с одинаковыми именами, являющимся родственниками, «выходцами из одного корня»: *Аламсари ик Йăван авалтана пëртăван (алăсем)* (1, с. 32) / досл. «Два Ивана с Аламсара издревле родные (руки)»; *Пëр тëпри ик*

¹³Здесь и далее в скобках указывается цифровой книга (1 – 2015 г; 2 – 2016 г.) и страница по изданию: Тупмалли юмахсем = Загадки: в 2 кн. / Чăваш патшалăх гуманитари ёслăлăхсен институчĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2015–2016.

¹⁴Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: Ленанд, 2023. 352 с.

Алихман пёрне-пёри пăрахман (1, с. 32) / досл. «Из одного корня два Алихмана друг друга не бросали».

Типичное действие рук – *работать* – переносится и на героев загадки, причем добавляются главные, отличительные качества персонажей, такие как надежность (чув. *шанчăклă* – надежный), старательность (чув. *хастар* – трудолюбивый, усердный), способность не бояться любой работы (чув. *нимĕнле ёçрен хăраман*) и быть вместе (чув. *пёрне-пёри пăрахман* – друг друга не бросать): *Икĕ Алтакким пур ёçре те шанчăклă* (1, с. 32) / досл. «Два Евдокима в любом деле надежные»; *Икĕ Алистар пур ёçре те пит хастар* (1, с. 32) / досл. «Два Алистара очень во всякой работе старательны»; *Пёр пек икĕ Алистар пур ёçре те пит хастар* (1, с. 32) / досл. «Два одинаковых Алистара во всякой работе очень старательны»; *Икĕ Арахман нимĕнле ёçрен хăраман* (1, с. 27) / досл. «Два Арахмана никакой работы не боялись»; *Икĕ Арахман нимле ёçрен хăраман* (1, с. 32) / досл. «Два Арахмана никакой работы не боялись»; *Икĕ Арахман пёрне-пёри пăрахман* (1, с. 32) / досл. «Два Арахмана друг друга не оставляли».

Как видно из приведенных примеров, антропонимический код коррелирует с числовым. С одной стороны, можно заметить, что выбор антропонимов связан с рифмой загадки (*ик Йăван* – *пёртăван*; *ик Алихман* – *пăрахман*; *Алистар* – *хастар*; *Арахман* – *хăраман* / *пăрахман*), но с другой – из использованных имен только два (*Йăван*, *Алтакким*) зафиксированы в словаре; имена, начинающиеся на ал- (*Алихман*, *Алистар*, *Алтакким*), в т. ч. и «сочиненный» топоним *Аламсар*), так же как и чувашский соматизм *алă* (рука), одновременно являются подсказкой, приемом паронимической аттракции.

В модели РУКИ = ДВА ДОМА / ДВЕ СЕМЬИ имя собственное выступает как обладатель дома: это может быть семья (чув. *Алапитсем* – Алабиты) или один человек – владелец двух домов (чув. *Алпике*). Стоит отметить, что в чувашском языке есть три сло-

ва, обозначающие дом: 1) *пурт* (здание, в т. ч. изба); 2) *çурт* (строение); 3) *кил* (дом как семейный очаг) (ср. англ. *house* / *home*), в чувашских загадках используется последняя номинация: *Алапитсем* икĕ *килле пурăнаççĕ* (1, с. 32) / досл. «Алабиты живут в двух домах»; *Алтаккисен* икĕ *çемье* (1, с. 32) / досл. «У Евдокима две семьи»; *Алпикесен* икĕ *кил* (1, с. 32) / У Албике два дома (руки). В последней загадке появляется женский образ рук.

В модели РУКА И ПАЛЬЦЫ = СЕМЬЯ И ПЯТЬ ДЕТЕЙ/ПАРНЕЙ можно выделить две группы загадок: 1) называет количество детей, кодирующее количество пальцев; 2) подчеркивает гендерно маркируемое свойство, качество, присущее мужчине (в терминах родства – сыновей), например красивый (чув. *сараБ*), трудолюбивый (чув. *ёçчен*), умелый, ловкий (чув. *маттур*). Добавим также, что большинство имен начинается на *ал-*, что отсылает к денотату *алă* / рука. Женское имя *Пинерти*, не фиксируемое в чувашских словарях антропонимов, по звунию ассоциируется с чувашским словом *пурне* (пальец):

(1) *Алапит килет, пилĕк ачине ертсе килет* (*алăпа пурнесем*) (1, с. 31) / досл. «Приходит Алабит, приводит пятерых детей (рука с пальцами)»; *Алапит çемийнче пилĕк ача* (1, с. 27) / досл. «В семье Алабита пятеро детей»; *Алтакки çемийнче пилĕк ача пурăнать* (1, с. 27) / досл. «В семье Евдокима пятеро детей»; *Алтакки килчĕ, пилĕк ачине ертсе килчĕ* (1, с. 31) / досл. «Приходит Евдоким, приводит пятерых детей»; *Алпике килĕ, пилĕк ачине ертсе килĕ* (1, с. 31) / досл. «Албиге придет, пятерых детей приведет».

(2) *Алтаккайän пилĕк яш, пиллĕкĕш те сарă яш* (1, с. 31) / досл. «У Евдокима пять парней, все пять красивые»; *Алпике килĕнче пилĕк ёçчен* (1, с. 27) / досл. «В доме Албиге пять работников»; *Пинерпийän пилĕк яш, пиллĕкĕш те маттур яш* (1, с. 31) / досл. «У Пинерби пять парней, все пять красивые».

Типичным образом женской косы (чув. *çивëт*) в чувашской картине мира является артефактное представление: человек (женщи-

на) уподобляется дому (чув. *пүрт*) или, редко, амбару (чув. *ампар*), а коса – предмету на доме: разветвленному кнуту (чув. *юплё пушă*), ременной нагайке, плетке (чув. *чён пушă, саламат*) – или за домом, в частности вязанке хвороста (чув. *хăрăк шанкă, вут тăрăхĕ*): *Пүрт айкинче чён пушă չакăнса тăрать* (2, с. 28) / «На стене избы висит ременный кнут»¹⁵; *Пүрт хыçенче саламат չакăнса тăрать* (2, с. 28) / досл. «За домом висит нагайка»; *Пүрт хыçенче хăрăк шанкă չакăнса тăрать* (2, с. 28) / досл. «За домом вязанка хвороста висит». Возникает и зооморфный образ – образ гадюки, замещающей косу, на основе схожести внешнего вида: *Пүрт айкинче хура չёлен չакăнса тăрать* (2, с. 28) / досл. «На доме гадюка висит». Интересной представляется чувашская загадка о женской косе с компонентом-антропонимом: наряду с маркированием времени суток (*день – вечер – полночь – рассвет*), осмыслием одновременно как период жизни, меняется образ девушки, обладательницы косы, и соответственно ее имена: будучи маленькой девочкой, без косы – мальчик Миколка (чув. *Миколкки*); взрослея, превращается в долгожданную Масленицу (чув. *Ҫăварни*); становясь девушкой с распущенными волосами, приобретает имя *Шорох*, созвучное с чув. *шăрăх* (жара, зной); в последний период – зрелость – коса заплетена и кодируется как предмет – рукоятка сковородки (чув. *çатма аври*): *Тăр кăнтăрла Миколкки, каç пулттуне Ҫăварни, չур չёрпе Шорох хĕр, тул çутăлсан çатма аври* (2, с. 28) / досл. «Средь бела дня Миколка, под вечер Масленица, в полночь девушка Шорох, а на рассвете рукоятка сковородки».

Таким образом, в чувашской картине мира образ рук – это семья, состоящая из сыновей, работников, живущих в двух домах, которые отличаются надежностью, умелостью и трудо-

любием. Женский образ в загадках о косе связан с домом и его атрибутами (плетка, нагайка), а также с временным периодом и поэтапным изменением имени.

В русском языке загадки о руках и пальцах также интерпретируются в терминах родства: *У четырех матерей по пяти сыновей; У одной матери пять сыновей; У пяти братьев одна работа*¹⁶ и т. п. Антропонимы в этом случае подключаются не так часто, как в чувашском языке, – например, при назывании пальцев руки каждому, кроме большого, соответствует свое имя (ПАЛЕЦ = ИМЯ ЧЕЛОВЕКА): *Четыре брата идут навстречу старшему: «Здравствуй, большак!» – говорят. «Здорово, – отвечает он, – Васька-указка, Миша-середка, Гриша-сиротка да крошка Тимошка!*» (с. 67)¹⁷.

В следующей загадке реализуется модель РУКИ И НОГИ = ЧЕТЫРЕ СЕСТРЫ: *У тетушки Фелицы есть четыре сестрицы, из них две-то хваляются: «Мы делать горазды!» А другие хваляются: «Мы ходить горазды!»* (с. 118). Модель НОГИ = АНТИП И ИВАН прослеживается в следующем примере, причем из контекста остается неясным, кто Антип и Иван по отношению друг к другу – друзья или родственники: *Поспорил Антип с Иваном, кто из них самый главный. То один вперед, то наоборот. Пока идут – ссорятся, а помирияются – остановятся* (с. 63).

Рассмотрим модель ЯЗЫК = АНДРЕЙКА, АНДРОН, ЕМЕЛЬЯН, МАРТЫН, САМСОН, ТЕЛЕПЕЖКИН, ХОЛЕЗОВ и др. Особое место в русской энigmatике занимают загадки о языке: разнообразие имен и включение фамилий в его кодирование свидетельствует об особой роли – обладателем онима становится только язык, остальные задействованные органы (зубы) и предметы (ложки) номинируются по их основной функции: *Сечки секут, Деревяники*

¹⁵Перевод приведен по: Чувашско-русский словарь / сост. И.А. Андреев, А.Е. Горшков, А.И. Иванов и др.; под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1985. 712 с. URL: <https://ru.samah.chv.su/dict/1.html> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁶Загадки / сост. В.В. Митрофанова. С. 59.

¹⁷Русские загадки с антропонимами приводятся по указанному выше словарю М.Л. Ковшовой.

везут, *Андрейка*, поворачивайся (зубы, ложка, язык во время еды) (с. 62); *Два брата молотят, а Андрюшка ворочат* (зубы и язык) (с. 62); *Костяшка сечет, деревяшка везет, Андрюшка поворачивает* (зубы, ложка, язык во время еды) (с. 62); *Деревяшка везет, сечка сечет, Емельян на возу поворачивайся* (ложка, зубы, язык во время еды) (с. 75); *Деревяшка везет, сечка сечет, сам Роман поворачивает* (ложка, зубы, язык во время еды) (с. 109); *Сечка рубит, деревяга/деревяшка везет, сам Самсон поворачивает* (зубы, ложка, язык во время еды) (с. 111) и др.

В «Словаре собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» только о Мартыне-языке приводится 19 загадок, главный персонаж которых «обрастает» дополнительными внешними и внутренними качествами и свойствами – *добрый, красный, мокрый* (М.Л. Ковшова называет сочетания прилагательного с антропонимом «прямым или образным идентификатором» [13, с. 284–285]): *Полон половей белых овец; костяшка сечет, деревяшка везет, красный Мартын подкладывает; Деревяшка везет, костяшка грызет, мокрый Мартын подкладывает* (ложка, зубы, язык во время еды); *Костяшка мнет, а добрый Мартын подкладывает* (еда) (с. 98). О популярности и распространенности этого типа загадки свидетельствует и ее чuvашский вариант, почти дословно повторяющий русский: *Йывაç турттарать, шämä ватса яратъ, ѹёне Мартин тирпейлесе яратъ* (сын апат ڇини) (2, с. 45) / досл. «Дерево подвозит, кости разбивают, мокрый Мартын прибирает (человек за едой)».

Отдельного внимания заслуживают загадки с введенными в них «говорящими» фамилиями: *Сечка сечет, Деревяшка везет, Телепежкин сын заворачивает* (еда: зубы, ложка, язык) (с. 114); *Деревяшка возит, костяшка рубит,*

Холезов сын заворачивает (зубы, ложка, язык во время еды) (с. 122). Согласно «Словарю русских народных говоров», *Телепежкин* – «относящийся к телепеге, принадлежащий ему (ей)», *телепега* – «о толстом, неповоротливом, неу克莱жем человеке»¹⁸; *Холезов* связан с глаголом *холзать* – «заметно сдвигаться, перемещаться из стороны в сторону»¹⁹. Встречается вариант с прозрачной внутренней формой фамилии *Тараторкин*: *Деревяшка везет, костяшка сечет, Тараторкин* сын заворачивает²⁰. В загадках о процессе приема пищи акцентируется внимание на назначении каждого элемента, его внешнем виде, движении и выполняемой им функции, причем антропоморфным становится именно язык, обретая имя собственное.

Помимо антропонимов в состав энigmatического текста могут входить агионимы (имена святых) – Илии-пророка и св. апостола Петра, которые, как отмечает О.В. Белова, в легендах противостоят друг другу: св. Петр – «защитник засеянных полей», «подметает небо, сушит тучи», св. Илья, напротив, «насыщает на поля дождь и град»²¹: *На море Мурманском, на Онеге, на Ладожском помутилась вода с песком, поборолся Илья с Петром* (язык) (с. 82). О.Е. Фролова пишет об особенности приведенной загадки: упоминание Илии связывается с небом (нёбом), святой Петр «непосредственно ассоциируется с языком как с закодированным объектом: язык двигается во рту и упирается в нёбо» [19, с. 87].

Редко онины употребляются при изображении глаз: *Два Егорки живут возле горки, живут дружно, на друг друга не глядят* (с. 74).

Таким образом, в русскоязычных загадках о человеке и его теле чаще всего с помощью онимов обозначается язык, причем задействуется как прямая, так и образная идентификация, вовлекаются термины родства и агионимы.

¹⁸Словарь русских народных говоров. Вып. 44 / под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб.: Наука, 2011. С. 6.

¹⁹Словарь русских народных говоров. Вып. 51 / под ред. С.А. Мызникова. СПб.: Наука, 2019. С. 158.

²⁰Znaniya. URL: <https://znaniya.site/russkii-yazyk/3822180.html> (дата обращения: 07.03.2025).

²¹Белова О.В. Петр и Павел // Славянские древности: этнолингвист. слов.: в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики; под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. С. 22–24.

Подведем некоторые итоги:

1. При загадывании загадок части человеческого тела интерпретируются двояко: как живое существо (животное либо человек) и как артефакт (предмет быта либо природный объект / явление).

2. В энigmatическом тексте часть тела осмысливается как сам человек, его семья, дом, при этом акцентируется его родственная или социальная роль – друга, брата, сестры. Парность частей подчеркивается количеством и/или одинаковыми именами (*икё Алтакким; два Егорки*).

3. В мире чувашской загадки *руки* ассоциируются с семьей, функция онимов, с одной стороны, подсказывает ответ (используется прием паронимической аттракции), с другой – сфокусировать внимание на единстве и невозможности существования одного без другого. Концептуализация рук в большей степени связана с мужским началом, т. к.

и в русской, и в чувашской картинах мира основным работником является мужчина.

4. В русском языке большое количество похожих загадок связано с соматизмом языка, в описание которого включаются антропонимы и агионимы.

Если в модели загадки, построенной по формуле «антропоним + соматизм = объект», роль антропонима в большей степени вспомогательная, человек осмысливается как «обладатель» тела и в загадке фокусируется внимание лишь на какой-нибудь одной его части, оцениваемой, например, как пространственный индикатор, то в модели «антропоним = соматизм» человек осмысливается как единое целое, при этом высвечиваются функции отдельных его частей, рассматриваемых сквозь призму социума (семьи или социального статуса).

Список литературы

1. Фомин Э.В. Чувашские антропонимы марийского происхождения // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковleva. 2019. № 5(105). С. 95–100. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2019.105.5.015>
2. Фомин Э.В., Иванова А.М. Чувашский антропонимикон XVIII века: иная культурная реальность. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. 140 с.
3. Таратина Е.Г., Авдеева А.И. Женские антропонимы в дореволюционной Чувашии // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманит. исслед. 2015. № 3(7). С. 59–61.
4. Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Семиотика культуры: Труды по знаковым системам X / редкол.: Б.М. Гаспаров, Б.Ф. Егоров, И. Кууль, Ю.М. Лотман; ред. тома А. Мальц. Тарту: Тартус. гос. ун-т, 1978. С. 65–85. (Сер.: Уч. зап. Тартус. ун-та; Вып. 463).
5. Ковшова М.Л. Теоретические и лексикографические аспекты исследования антропонимов в составе загадок, пословиц и идиом // Мир рус. слова. 2021. № 1. С. 5–12. <https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-1-5-12>
6. Бочина Т.Г. С именем Иван, без имени – болван (о контрасте имен собственных в русской паремике) // Имињата и фразеологијата: материјали конф. Скопје, 2018. С. 75–84.
7. Романов Н.Р. О чувашских загадках // Уч. зап. ЧНИИ. 1962. Вып. 21. С. 142–154.
8. Родионов В.Г. Чувашский стих: Проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 224 с.
9. Калинина Е.Е. Цветовая лексика в чувашских загадках // Russ. Linguist. Bull. 2021. № 4(28). С. 141–144.
10. Степанова О.С. Сопоставительный анализ английских и чувашских загадок с числительным «четыре» (лингвокультурологический аспект) // Юность Большой Волги: сб. ст. Чебоксары: ЦМИ, 2019. С. 190–191.
11. Денисова Т.В., Димитриева О.А. Антропонимы и соматизмы в русских и чувашских загадках: пересечение кодов культуры // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2025. Т. 18, № 6. С. 2570–2576. <https://doi.org/10.30853/phil20250360>
12. Бочина Т.Г. Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исслед. Тувы. 2023. № 3. С. 6–20. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>
13. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. Изд. 2-е, испр. М.: Ленанд, 2024. 400 с.

14. Орлова О.С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. М.: Ленанд, 2022. 240 с.
15. Файзуллина Н.И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2020. 339 с.
16. Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 680 с.
17. Абдрашитова М.О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 182 с.
18. Димитриева О.А. Культурный код в научном и публицистическом измерениях // Науч. диалог. 2025. Т. 14, № 1. С. 9–30. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-1-9-30>
19. Фролова О.Е. Живое и неживое в жанре загадки // Рус. речь. 2013. № 6. С. 82–89.

References

1. Fomin E.V. Chuvashkie antroponimy mariyskogo proiskhozhdeniya [Chuvash Anthroponyms of Mari Origin]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, 2019, no. 5, pp. 95–100. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2019.105.5.015>
2. Fomin E.V., Ivanova A.M. *Chuvashskiy antroponimikon XVIII veka: inaya kul'turnaya real'nost'* [Chuvash Anthroponyms of the 18th Century: A Different Cultural Reality]. Cheboksary, 2020. 140 p.
3. Taratina E.G., Avdeeva A.I. Zhenskie antroponimy v dorevolyutsionnoy Chuvashii [Female Anthroponyms in Chuvashia Before the Revolution]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2015, no. 3, pp. 59–61.
4. Tsiv'yan T.V. Dom v fol'klornoy modeli mira (na materiale balkanskikh zagadok) [The Concept of Home in the Folklore World Model (as Reflected in the Riddles of the Balkan Peoples)]. Mal'ts A. (ed.). *Semiotika kul'tury: Trudy po znakovym sistemam X* [Semiotics of Culture: Sign Systems Studies X]. Tartu, 1978, pp. 65–85.
5. Kovshova M.L. Teoreticheskie i leksikograficheskie aspekty issledovaniya antroponimov v sostave zagadok, poslovits i idiom [Theoretical and Lexicographical Aspects of Anthroponyms' Studies in Riddles, Proverbs and Idioms]. *Mir russkogo slova*, 2021, no. 1, pp. 5–12. <https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-1-5-12>
6. Bochina T.G. S imenem Ivan, bez imeni – bolvan (o kontraste imen sobstvennykh v russkoy paremike) [With a Name – Ivan, Without a Name – a Blockhead (on Contrast of Proper Names in Russian Paroemias)]. *Names and Phraseology*. Skopje, 2018, pp. 75–84 (in Russ.).
7. Romanov N.R. O chuvashskikh zagadkakh [On Chuvash Riddles]. *Uchenye zapiski ChNII*, 1962, no. 21, pp. 142–154.
8. Rodionov V.G. *Chuvashskiy stikh: Problemy stanovleniya i razvitiya* [Chuvash Verse: Problems of Formation and Development]. Cheboksary, 1992. 224 p.
9. Kalinina E.E. Tsvetovaya leksika v chuvashskikh zagadkakh [Color Vocabulary in Chuvash Riddles]. *Russ. Linguist. Bull.*, 2021, no. 4, pp. 141–144.
10. Stepanova O.S. Sopostavitel'nyy analiz angliyskikh i chuvashskikh zagadok s chislitel'nym “chetyre” (lingvokul'turologicheskiy aspekt) [Comparative Analysis of English and Chuvash Riddles with the Numeral Four (Linguocultural Aspect)]. *Yunost' Bol'shoy Volgi* [The Youth of the Great Volga]. Cheboksary, 2019, pp. 190–191.
11. Denisova T.V., Dimitrieva O.A. Anthroponyms and Somatisms in Russian and Chuvash Riddles: Intersections of Cultural Codes. *Philol. Theory Pract.*, 2025, vol. 18, no. 6, pp. 2570–2576 (in Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20250360>
12. Bochina T.G. Chislovoy i tsvetovoy kod kak komponent tuvinskikh zagadok o cheloveke [Numerical and Color Code as an Element of Tuvan Riddles About Man]. *New Res. Tuva*, 2023, no. 3, pp. 6–20 (in Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>
13. Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskiy analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: Antroponimicheskiy kod kul'tury* [Linguocultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs and Sayings: Anthroponymic Code of Culture]. Moscow, 2024. 400 p.
14. Orlova O.S. *Evfemizmy i zagadki o rozhdenii i smerti v russkoy i angloyazychnoy kul'turakh: printsip nepryamoy nominatsii. Kognitivno-kul'turologicheskoe issledovanie* [Euphemisms and Riddles About Birth and Death in Russian and English-Speaking Cultures: The Principle of Indirect Naming. A Cognitive Cultural Research]. Moscow, 2022. 240 p.

15. Fayzullina N.I. *Lingvokognitivnaya model' narodnoy zagadki: obrazno-strukturnyy aspekt (na materiale russkogo, tatarskogo i angliyskogo yazykov)* [Linguocognitive Model of the Folk Riddle: A Figurative and Structural Aspect (Based on Russian, Tatar and English): Diss.]. Kazan, 2020. 339 p.
16. Nikolaeva T.M. *Ot zvuka k tekstu* [From Sound to Text]. Moscow, 2000. 680 p.
17. Abd rashitova M.O. *Miromodeliruyushchaya funktsiya zhanra zagadki v fol'klornom diskurse* [World-Modelling Function of the Genre of Riddle in Folklore Discourse: Diss.]. Tomsk, 2012. 182 p.
18. Dimitrieva O.A. Cultural Code in Scientific and Journalistic Dimension. *Sci. Dialogue*, 2025, vol. 14, no. 1, pp. 9–30 (in Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-1-9-30>
19. Frolova O.E. *Zhivoe i nezhivoe v zhanre zagadki* [The Animate and the Inanimate in the Riddle Genre]. *Russkaya rech'*, 2013, no. 6, pp. 82–89.

Информация об авторах

О.А. Димитриева – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (адрес: 428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 38).

Т.В. Денисова – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (адрес: 428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 38).

Information about the authors

Olga A. Dimitrieva, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University (address: ul. K. Marks 38, Cheboksary, 428000, Russia).

Tatyana V. Denisova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Head of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University (address: ul. K. Marks 38, Cheboksary, 428000, Russia).

Поступила в редакцию 03.07.2025

Одобрена после рецензирования 11.09.2025

Принята к публикации 16.09.2025

Submitted 3 July 2025

Approved after reviewing 11 September 2025

Accepted for publication 16 September 2025